

Служение науке и обществу

(к 110-летию профессора М. П. Вяткина, 1895–1967)

Как-то совсем незаметно пролетели десять лет со дня издания небольшой книги, подготовленной учениками и коллегами известного российского историка члена-корреспондента АН Киргизской ССР, профессора Михаила Порфирьевича Вяткина к его 100-летию юбилею. И вот, собравшись снова 21 августа 2005 г., в 110-ю годовщину со дня его рождения, в гостеприимной квартире семьи сына М. П. на Суворовском проспекте, мы практически в том же составе (не было только главной хранительницы семейных традиций — дочери М. П. Валерии Михайловны, скончавшейся в ноябре 1995 г., и безвременно ушедших наших коллег и друзей — Валерия Александровича Селезнева и Алексея Ивановича Спасова) решили подготовить и издать в исправленном и дополненном виде книгу, посвященную памяти нашего учителя и старшего коллеги, родного и близкого для всех нас человека.

Как я уже писал в предисловии к 1-му изданию книги, нам очень тогда помогли, выделив основные денежные ассигнования, руководители Международного благотворительного фонда спасения Петербурга–Ленинграда, которые по скромности просили тогда их не называть: первый мэр Санкт-Петербурга профессор Анатолий Александрович Собчак и генеральный директор фонда Александр Давидович Марголис. Я бережно храню письмо Анатолия Александровича с благодарностью за переданную ему только что вышедшую нашу скромную небольшую книгу, изданную с помощью и стараниями профессора Сергея Николаевича Полторака в типографии Политехнического института, при содействии всего нашего дружного составительского коллектива.

Сейчас нам помогают переиздать эту книгу сотрудники действующего на базе нашего Санкт-Петербургского Института истории РАН Издательства «Нестор-история», но основная организационная и финансовая нагрузка в подготовке нового издания легла и в этот раз на родных и близких М. П. Вяткина, его учеников и младших коллег,

бережно сохраняющих память о нем как о большом ученом, мудром наставнике, внимательном и душевном человеке.

Подготовка к новому изданию сборника материалов о М. П. Вяткине совпадает с исполнившимся в марте 2006 г. 70-летием Института, тогдашнего Ленинградского отделения Института истории АН СССР (дата, впрочем, достаточно условная, учитывая почти вековую его предысторию, начиная с первых археографических экспедиций), с которым была связана основная, более чем тридцатилетняя работа ученого, возглавлявшего Институт в самые трудные для него 1950-е годы. В 1953 г. Институт ликвидировали, а потом с 1955 г. под руководством М. П. Вяткина происходило трудное собирание коллектива, основного ядра его нынешнего состава.

В основе настоящей книги лежит ее первое издание, лишь незначительно исправленное, однако его состав значительно пополнен. Существенно дополнила свои воспоминания о М. П. Вяткине как своем научном руководителе профессор Наиля Ермухановна Бекмаханова. В приложенном к ним большом исследовательском очерке раскрываются давние и тесные творческие связи М. П. Вяткина с казахскими историками, особенно в трудные военные годы, в алматинской эвакуации, дружба с отцом Н. Е. — видным казахским историком Е. Б. Бекмахановым, человеком трагической судьбы. Весь этот материал — важное свидетельство сложного пути становления отечественной историографии прошлого народов Средней Азии, их участия в общественном движении.

Важные человеческие черты М. П. Вяткина, руководителя ЛОИИ, рисуют в новых воспоминаниях известные сегодня ученые и педагоги, профессора Петербургского университета Ю. Г. Алексеев и Г. Л. Соболев, член-корреспондент РАН Р. Ш. Ганелин.

Существенно пополнился и документальный раздел книги. Это еще одна автобиография 1947 г. М. П. Вяткина, его переписка (выборочная за 1954–1961 гг.) с киргизскими и казахскими историками после избрания в 1954 г. М. П. членом-корреспондентом АН Киргизской ССР, отражающая тесные научные, творческие связи с молодой киргизской исторической наукой, помощь в подготовке научных кадров и трудов по истории казахского и киргизского народов. Впервые публикуется обстоятельная внутренняя рецензия известного исследователя экономической истории России профессора А. И. Буковецкого на подготовленную и изданную в 1962 г. в Киргизии монографию М. П. «Монополистический капитал в Средней Азии». В переводе с

английского (К. В. Вяткиной) публикуется большая рецензия (1967 г.) молодого тогда американского историка Теодора Тарановского, ныне профессора исторического факультета университета Пьюджет Саунд (штат Вашингтон) на изданную в 1965 г. монографию М. П. Вяткина «Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг.». Все эти материалы взяты из личного дела, переписки, документов и бумаг М. П. Вяткина, которые до сих пор еще не обработаны и поэтому не имеют нумерации.

Особое место занимает впервые публикуемое коллективное письмо сотрудников ЛОИИ во главе с М. П. Вяткиным от 1 сентября 1956 г. в защиту восстановления исторической правды, против развязанной партийными инстанциями травли редколлегии «Вопросов истории» во главе с академиком А. М. Панкратовой и ее заместителем Э. Н. Бурджаловым, за их курс на объективное изучение и освещение в печати исторического прошлого нашей страны, против попыток возродить неосталинизм.

Дополнена библиография и существенно расширен иллюстративный ряд книги. К сожалению, недостаточность финансовых средств не позволила и на этот раз увеличить тираж книги, но мы надеемся, что она найдет своего читателя среди историков и всех интересующихся прошлым нашей страны.

С. И. Потолов

От редактора

(предисловие к 1-му изданию)

Этот небольшой сборник — скромная дань уважения и памяти Михаила Порфирьевича Вяткина, выдающегося исследователя исторических судеб народов дореволюционной России, — в связи с исполнившимся в 1995 году его 100-летием.

Сборник подготовлен коллегами, учениками, родными и близкими М. П. Вяткина. Он состоит из трех разделов: в первом представлен биографический очерк М. П. Вяткина, во втором — воспоминания о М. П. Вяткине, в третьем — несколько неопубликованных документов из архива М. П. Вяткина, подробная библиография его научных трудов, литературы о нем, основные факты его биографии.

Книга была подготовлена в начале 1995 года, и мы, ученики и коллеги М. П. Вяткина, очень хотели ее выпустить к августу 1995 г., к 100-летию его юбилею. Но финансовые трудности, а точнее полное отсутствие денег на ее издание, помешали это тогда сделать. И все же, хоть с некоторым опозданием, но книга приходит к читателю.

Мы очень признательны Международному благотворительному фонду спасения Петербурга-Ленинграда, который поддержал наше предложение о подготовке серии научно-популярных работ, посвященных выдающимся петербургским историкам, оказавшему финансовую поддержку открывающей эту серию книге о М. П. Вяткине. Ее издание было бы также невозможно без моральной и материальной поддержки семьи М. П. Вяткина, его учеников. Их стараниями были также подобраны фотографии М. П. Вяткина.

Особая благодарность руководителю Издательской координационной группы «Нестор» при Санкт-Петербургском государственном техническом университете профессору С. Н. Полтораку, который принял на себя заботу о быстрейшем и на хорошем полиграфическом уровне издании этой книги.

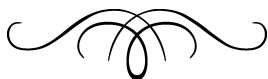
Низкий поклон всем, кто помогал нам в этом, таком нелегком сегодня, деле.

С. И. Потолов

I

М. П. ВЯТКИН
(1895–1967)

Жизнь и труды

М. П. Вяткин (1895–1967)

Жизнь и труды

В августе 2005 года исполнилось 110 лет со дня рождения Михаила Порфирьевича Вяткина, выдающегося российского историка, исследователя социально-экономических проблем истории России, народов Средней Азии, члена-корреспондента Академии наук Киргизской ССР (теперь Кыргызстана), заслуженного деятеля науки России, лауреата Государственной премии СССР.

М. П. Вяткин родился и вырос на Урале, в семье учителя. Закончив в 1913 г. Шадринское реальное училище, М. П. Вяткин поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где учился до лета 1917 года. В это время университетскими профессорами были такие выдающиеся историки России и источниковеды, как А. А. Шахматов, С. Ф. Платонов, А. С. Лаппо-Данилевский, А. Е. Пресняков и др. В 1921 г. он окончил историко-филологический факультет Томского университета и был оставлен при кафедре русской истории. В 1922 г. правлением Томского университета М. П. Вяткин был откомандирован в Ленинград, где и протекала вся его последующая научно-педагогическая деятельность.

В Ленинграде Михаил Порфирьевич вел большую преподавательскую работу сначала в средней школе, а затем в ряде ленинградских вузов. В 1934 г. М. П. Вяткин начинает свою плодотворную деятельность в Ленинградском отделении Института истории (тогда еще Историко-археографическом институте) АН СССР, продолжавшуюся до последних дней его жизни.

Уже первые работы М. П. Вяткина, опубликованные им в середине 1920-х годов и посвященные мануфактуре, промышленному перевороту, развитию капитализма в России¹, определили его основной интерес к социально-экономической истории России. В начале 1930-х годов М. П. Вяткин принял активное участие в широко известном

¹ *Вяткин М. П.* 1) Мануфактура и промышленный переворот. Л., 1925. 52 с.; 2) Торговый капитализм в России. Книга для чтения. М.; Л., 1927. 244 с. Подробную библиографию трудов М. П. Вяткина и литературы о них и его жизни см. в конце настоящего сборника.

многотомном издании по истории крепостной мануфактуры, осуществленном Историко-археографическим институтом¹.

Михаил Порфирьевич был в числе тех советских ученых, которые первыми занялись изучением истории народов нашей страны. Общеизвестны заслуги М. П. Вяткина в изучении исторических судеб казахского народа. Под его руководством и при самом активном участии были подготовлены и изданы два тома «Материалов по истории Казахской ССР», которые ввели в научный оборот большой и интересный архивный материал. В 1941 г. вышел в свет написанный М. П. Вяткиным по существу первый обобщающий труд по истории Казахстана с древнейших времен по 1870 г. Результатом многолетних исследований Михаила Порфирьевича явилась его докторская диссертация «Батыр Срым», успешно защищенная им в 1944 г. и в 1947 г. изданная отдельной книгой. В этой обстоятельной монографии история движения батыра Срыма Датова была дана на широком фоне социально-экономических отношений в казахском обществе конца XVIII века. Работа М. П. Вяткина получила высокую оценку научной общественности и была удостоена в 1948 г. Сталинской премии 2-ой степени.

Находясь в эвакуации в годы войны в Алма-Ате, М. П. Вяткин вместе с казахскими и московскими историками принял участие в подготовке коллективного труда «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» (под ред. М. Абдыкалыкова и А. М. Панкратовой. 1-е изд. Алма-Ата, 1943; 2-е испр. и доп., в 2-х томах. Алма-Ата, 1949). Михаил Порфирьевич был автором ряда глав и одним из редакторов этой книги (см. библиографию в III разделе).

В дальнейшем, однако, объективные исторические оценки присоединения Казахстана к России и общественного движения против царизма в партийных решениях 1950–1951 гг. были подвергнуты несправедливой уничтожающей критике, а авторов, в числе которых были М. П. Вяткин, Е. Б. Бекмаханов и некоторые другие казахские историки, обвинили в буржуазном национализме, апологетике реакционных феодально-монархических движений и подвергли форменному остракизму. Причем Е. Б. Бекмаханова лишили докторской степени, арестовали и сослали в колымские лагеря. М. П. Вяткин, который, помимо своего участия в «Истории Казахской ССР», был редактором книги Е. Б. Бекмаханова «Казахстан в 20–40 годы XIX

¹ Крепостная мануфактура в России. Т. V. Московский суконный двор. Л., 1934. ЛП. 255 с.

века» (Алма-Ата, 1947), вынужден был оправдываться в научной печати, однако от своих принципиальных характеристик движения Срыма Датова он не отказался¹.

Отзвуком всей этой антинаучной кампании были другие партийные решения конца 1952 — начала 1953 года по Институту истории АН СССР, завершившиеся в марте — апреле 1953 г. ликвидацией Ленинградского отделения Института истории и разгоном его высокопрофессионального коллектива (восстановлено в 1955 г.)².

Сам М. П. Вяткин фактически был лишен возможности заниматься историей Казахстана и с середины 1950-х годов активно сотрудничает с киргизскими историками, будучи избранным в 1954 году членом-корреспондентом АН Киргизской ССР. Он был автором и редактором коллективного труда «История Киргизии» (1-е изд. Т. 1. Фрунзе, 1956; 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. Фрунзе, 1963), руководил работой сотрудников АН Киргизской ССР по проблемам разложения патриархально-феодалных и возникновения капиталистических отношений в Киргизии, социально-экономического развития Средней Азии в составе России.

Одновременно с этим М. П. Вяткин принял самое активное участие и в таких коллективных начинаниях Института истории АН СССР и его Ленинградского отделения (ЛОИИ), как многотомные «Очерки истории СССР» периода феодализма и «Краткая история СССР», где им были подготовлены основанные на новом документальном материале, результатах собственных и советских историков исследований, разделы по социально-экономической истории России в эпоху петровских преобразований и во второй половине XVIII века³.

¹ См.: *Вяткин М. П.* Письмо в редакцию // Вопросы истории. 1952. № 2. С. 157–159. Подробнее см. публикуемые ниже заметки Н. Е. Бекмахановой.

² *Панеях В. М.* Упразднение Ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1953 году // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 19–27.

³ См.: *Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в.* М., 1956 (М. П. Вяткин являлся автором следующих разделов этого фундаментального издания: *Промышленность* — С. 85–119; *Борьба рабочих людей и приписных крестьян на мануфактурах в 50–60-х гг.* — С. 179–193; *Крестьянское движение и борьба рабочих людей в 70–80-х гг.* — С. 238–247, последний совместно с П. Г. Рын-дзюнским); *Краткая история СССР. Ч. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции.* М.; Л., 1963 (член редколлегии и автор разделов: *Образование абсолютной монархии в России в первой половине XVIII в.* — С. 218–253; *Крепостная Россия во второй половине XVIII в.* — С. 254–279). Последняя книга в 1983 г. вышла уже 4-м изданием и за эти 40 с лишним лет была переведена на ряд иностранных языков.

Он был ответственным редактором и автором большой главы «Экономическая жизнь Петербурга в период разложения и кризиса крепостничества» первого тома «Очерков истории Ленинграда», участвовал в подготовке следующих томов этого фундаментального коллективного труда.

В середине 1950-х годов началось интенсивное и весьма плодотворное изучение проблем монополистического капитализма в России, социально-экономических предпосылок революции 1917 года под эгидой созданного при АН СССР научного совета по комплексной проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции», руководимого профессором А. Л. Сидоровым. М. П. Вяткин, возглавлявший в этот период Ленинградское отделение Института истории АН СССР, активно включился в большую творческую работу. Он был одним из организаторов Всесоюзной сессии по указанной проблеме в Ленинграде в сентябре 1961 г. По инициативе и под руководством М. П. Вяткина большая группа сотрудников ЛОИИ и ряда научных учреждений и архивов Ленинграда на рубеже 1950–1960-х гг. провела огромную работу по выявлению архивных материалов и в итоге подготовила фундаментальные публикации и исследования по истории монополий, финансового капитала и экономической политики царизма в конце XIX — начале XX в.¹ М. П. Вяткин был также ответственным редактором и одним из авторов двух тематических сборников статей в «Трудах ЛОИИ», специально посвященных проблемам российского монополистического капитализма-империализма².

Сам М. П. Вяткин в эти годы очень много и плодотворно занимается исследовательской работой. Синтезом прежних занятий историей Средней Азии и разработкой проблем империализма в России явилась монография М. П. Вяткина «Монополистический капитал в Средней Азии», изданная во Фрунзе в 1962 г. (164 с.). В ней на обширном новом архивном материале из фондов ЦГИА СССР, данных торгово-промышленной статистики прослеживается проникновение в начале XX века финансового капитала в Туркестан.

Необходимо подчеркнуть, что книга по содержанию была значи-

¹ О них см.: *Тарновский К. Н.* Советская историография российского империализма. М., 1964.

² См.: Из истории империализма в России (Труды ЛОИИ. Вып. 1). М.; Л., 1959. 458 с.; Монополии и иностранный капитал в России (Труды ЛОИИ. Вып. 4). М.; Л., 1962. 434 с.

тельно шире своего названия. В ней подробно рассматривается история развития основных отраслей промышленности края: хлопкоочистительной, маслобойной, нефтяной и горной, а также железнодорожное строительство. Справедливо отмечая, что фабрично-заводская промышленность в Средней Азии находилась еще в начальной стадии развития (добыча угля в 1913 г. составляла 0,38 %, а нефти в Фергане — 0,3 % общероссийской), численность промышленных рабочих на весь огромный край в добывающей, обрабатывающей промышленности и на транспорте не превышала 60–70 тыс., и в целом Туркестан оставался страной мелкого полупатриархального хозяйства, М. П. Вяткин рассматривает сложные процессы взаимодействия крупного капитала («капиталистического империализма») из метрополии с полуфеодальными отношениями в хозяйстве и управлении края, иными словами, — с военно-феодальным империализмом-царизмом.

Книга содержит обширный материал о политике царизма в Средней Азии после ее присоединения к России во второй половине XIX в., о противоречиях в правительстве по вопросу привлечения крупного, в том числе иностранного, капитала для экономического освоения и развития Туркестана. Рассматривая акционерное законодательство, его ограничительные статьи, направленные против иностранного участия в акционерном учредительстве, М. П. Вяткин показывает, как на практике крупный, банковский капитал, при поддержке Министерства финансов, а с конца 1905 г. — Министерства торговли и промышленности, проникал в Среднюю Азию, овладевая основными отраслями ее промышленности, мобилизуя земельную собственность. Тем самым экономика края постепенно связывалась с народным хозяйством всей России, утрачивая прежний свой колониальный характер. Подробно рассматривая возникновение и развитие акционерных компаний в Туркестане, автор раскрывает процессы монополизации основных отраслей промышленности, роль в них ведущих российских банков, в частности Русско-Азиатского банка, а также крупнейших промышленно-финансовых групп — Стахеева, Нобеля и др.

Сложный симбиоз крупного предпринимательства как в промышленности, так и в торговле с мелким полупатриархальным хозяйством особенно наглядно прослеживается в книге на примере крупнейшей в крае хлопкоочистительной промышленности, которая поставляла текстильной промышленности центральной России до половины

потребляемого ею хлопка. Здесь в скупке хлопка-сырца у крестьян-дехкан преобладали мелкие и средние торговцы-посредники, а в промышленности — крупный капитал. «Но если в области производства хлопка продолжали господствовать прежние, сложившиеся еще в период существования среднеазиатских хозяйств, полуфеодалные, полупатриархальные порядки, то финансовый капитал сделал значительные успехи в крае в области заготовки и первичной обработки хлопка, а также в хлопко-маслобойной промышленности»¹. Ведущую роль играли крупнейшие российские коммерческие банки и их местные, среднеазиатские отделения, причем постепенно, особенно в канун Октября, банковский капитал проникает и в само хлопковое производство.

Приводя обширный и достоверный материал о проникновении банковского капитала, в том числе и иностранного, в экономику Туркестана, в основные отрасли его промышленного производства, автор порой отдавал дань прежним представлениям о значительном влиянии иностранного капитала в ведущих российских банках и промышленно-финансовых группах, что не всегда отражало сложное переплетение интересов и взаимовлияний, преуменьшало самостоятельность, особенно в довоенный период, российского монополистического капитала².

Пристальный интерес М. П. Вяткина к изучению народнохозяйственных процессов в эпоху империализма на периферии российской экономики, не отличавшейся такими глубокими и быстрыми темпами развития, как, скажем, в Петербурге, на Юге и в Центре России, Кавказе, и требовавших поэтому особенно точного и глубокого анализа, проявился и в том, что в те же 60-е годы он продолжил начатое им еще в 20-е годы изучение развития горнозаводского Урала, но уже в новейшую эпоху — монополистического капитализма. Под его редакцией в 1963 г. публикуется большой том документов «Монополии в металлургической промышленности России (1900–1917)», где прослеживаются своеобразные процессы концентрации, акционирования и монополизации уральской промышленности. Годом ранее в

¹ Вяткин М. П. Монополистический капитал в Средней Азии. Фрунзе, 1962. С. 43.

² На это обратил свое внимание К. Н. Тарновский, хотя в полемике он в общем недооценил значимость проделанной М. П. Вяткиным большой поисковой и исследовательской работы. См.: Тарновский К. Н. Указ. соч. С. 215–217. См. также публикуемую впервые (в настоящем сборнике) внутреннюю рецензию известного историка-экономиста профессора А. И. Буквоецкого.

очередном тематическом томе «Трудов ЛОИИ» («Монополии и иностранный капитал в России») публикуется его исследовательская статья, основанная на новом архивном материале и посвященная исключительно уральскому сюжету — «Платино-промышленная анонимная компания». Все эти труды и послужили подготовкой к созданию М. П. Вяткиным крупного монографического исследования «Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг.» (М.; Л., 1965. 400 с.)¹, которое подвело итог многолетним изысканиям автора в области социально-экономической истории крупнейшего металлургического района России. Поставленная исследователем задача — проследить изменения «общественной структуры промышленности Урала» на протяжении периода империализма — определила широкий подход к изучению проблемы.

Монография М. П. Вяткина, основанная преимущественно на документальных источниках, значительная часть которых впервые введена в оборот, на материалах ведомственных публикаций и статистических изданиях, сведениях периодики, данных исследовательской литературы содержит, таким образом, обширную и чрезвычайно ценную сводку фактического материала о капиталистической эволюции горнозаводской промышленности Урала в хронологических рамках периода империализма. Рассмотрев экономические и социально-правовые аспекты развития казенных, посессионных и частновладельческих округов в годы кризиса, депрессии и предвоенного промышленного подъема, М. П. Вяткин пришел к ряду несомненно значительных наблюдений и выводов.

Процесс капиталистической перестройки казенных горнозаводских округов, казалось бы, достаточно разработанный в исследовательской литературе, получил в монографии новое освещение, благодаря углубленному изучению вопросов финансирования и связанного с ним технического переустройства предприятий. Рассмотрение экономической природы, юридического положения и хозяйственного функционирования посессионных округов, их взаимоотношений с казной и финансовым капиталом, их сложных земельных отношений позволили М. П. Вяткину выявить ряд пережиточных явлений, тормозивших капиталистическую перестройку крупных предприятий этого типа. Изучение эволюции частновладельческого сектора обогатилось анализом его связей с ведущими коммерческими банками с

¹ Книга вышла с авторским посвящением: «Памяти Екатерины Александровны Вяткиной, погибшей в блокадном Ленинграде». Е. А. — мать М. П. Вяткина — *сост.*

точки зрения зависимости от российского финансового капитала и иностранных инвестиций. К этой проблеме непосредственно примыкает изучение экспансии банковского капитала, попыток его проникновения в уральскую горнозаводскую промышленность с целью участия в ее капиталистической реорганизации, а также «внутренней» борьбы банковских и капиталистических группировок за влияние на экономику Урала.

Несомненная заслуга М. П. Вяткина состоит в разработке ряда принципиально важных вопросов, связанных с промышленной политикой правительства на отдельных ее этапах, не являвшейся ранее предметом столь пристального внимания исследователей. Автор раскрывает противоречивый характер политики царизма по отношению к горнозаводскому Уралу. С одной стороны, стремление государственной власти удержать за казной верховное право руководства казенными предприятиями, сохранить посессионные ограничения, примирить капиталистическое производство с полукрепостническим землевладением, по-прежнему оказывать финансовую помощь горнозаводским округам, принадлежащим преимущественно титулованной знати и высшей бюрократии, т. е. консервировать крепостнические явления, утвердившиеся в самом строе уральской горнозаводской промышленности. С другой стороны, признавалось неизбежным в новых условиях укрепление самостоятельности горнозаводского сектора, ведущей к консолидации земельной собственности и мобилизации земли, к обновлению и концентрации производства.

М. П. Вяткин приходит к выводу о том, что в конечном итоге усиление капиталистических элементов в экономике горнозаводских округов, их финансовая реорганизация приводили к разрушению патриархальной внутривладельческой замкнутости, к техническому переустройству заводов и тем оказывали огромное влияние на динамику и темпы промышленного развития уральских предприятий. В монографии резюмируется, что в совокупности эти качественные изменения порождали глубокие экономические противоречия и усиливали эксплуатацию труда. Эти результаты исследования М. П. Вяткина представляют несомненный научный интерес.

Прошедшие четыре десятилетия со времени выхода главного ураловедческого труда М. П. Вяткина отмечены новыми ценными исследованиями по той же тематике (главным образом работы Ю. А. Буранова), позволившими уточнить и дополнить, а в ряде случаев и пересмотреть наши представления о сложных социально-экономи-

ческих процессах на Урале в эпоху империализма. Однако огромный вклад М. П. Вяткина в их изучении в советскую историографию индустриального Урала бесспорен и общепризнан¹.

Последние годы своей жизни М. П. Вяткин работал над большим историографическим трудом, посвященным изучению социально-экономического развития Средней Азии в дореволюционный период. В его подготовке сказались большой опыт и знания как исторических судеб народов Средней Азии, так и собственно историографических проблем. Ведь М. П. Вяткин многие годы читал разработанный им курс историографии истории СССР на IV курсе исторического факультета ЛГПИ, уделяя особое внимание социально-экономической проблематике, подробно разбирая и анализируя в лекциях труды В. О. Ключевского, М. Н. Покровского, Б. Д. Грекова и других выдающихся русских и советских историков.

Последняя книга М. П. Вяткина осталась незавершенной, однако сотрудники Института истории Киргизской ССР во главе с Б. Д. Джамгерчиновым и А. А. Сапелкиным, а также Т. М. Китанина в ЛОИИ проделали большую работу по подготовке рукописи к печати, и она была в 1974 году издана по специальному постановлению Президиума АН Киргизской ССР². Этим отмечались огромный вклад М. П. Вяткина в разработку истории Средней Азии и Казахстана, а также большое значение его нового труда для дальнейшей исследовательской работы по социально-экономической среднеазиатской проблематике.

В книге была систематизирована и глубоко проанализирована литература за целое столетие, от вхождения Средней Азии в состав России и до 1965 г. Важной особенностью книги было то, что наряду с чисто историографическими оценками тех или иных работ и изданий в ней приводился содержащийся в них обширный фактический материал, критически сопоставлялись разнообразные документальные и статистические источники, большей частью труднодоступные широкому читателю. Это делает книгу М. П. Вяткина незаменимым пособием, расширяет источниковедческую базу для исследования социально-экономической истории Средней Азии до 1917 года.

¹ См. публикуемую в III разделе рецензию американского историка Теодора Тарановского.

² *Вяткин М. П. Социально-экономическое развитие Средней Азии (историографический очерк 1865–1965 гг.)*. Фрунзе, 1974. 264 с.

В книге детально проанализированы различные официальные документы, материалы правительственных обследований, записок и ревизий академика А. Ф. Миддендорфа (1882 г.), сенаторов Д. Гирса (1882 г.), К. К. Палена (1908 г.), главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина (1912 г.) и др. Отстаивая колониальную политику царизма в Туркестане, они тем не менее приводили ценный фактический материал, главным образом о состоянии и развитии земледелия и землеустройства, ирригации, переселенческого дела и т. п. С марксистских позиций разобраны и отдельные работы буржуазно-либерального и мелкобуржуазного направления (И. И. Гейера, О. Шкапского и др.), которые содержали пожелания решить такие, в общем второстепенные, вопросы, как выделение ссуд, налаживание кредита, улучшение переселенческого дела, землеустройства и т. п. В дореволюционной историографии характеристике промышленного развития Средней Азии и в особенности рабочих кадров уделялось мало внимания, она рассматривалась как рынок сырья для промышленных центров России и одновременно рынок сбыта промышленных товаров из метрополии. Тем более ценной нам представляется систематизация историографического материала по этим вопросам, в особенности данных специальных обследований среднеазиатской промышленности ревизией К. К. Палена, анкетного обследования (летом 1914 г.) В. В. Заорской и К. А. Александра.

Вторая и третья главы труда М. П. Вяткина были посвящены советской историографии 20–40 и 50–60-х гг., однако они, пожалуй, в большей степени имеют незавершенный характер. В частности, из ленинского наследия были проанализированы лишь взгляды В. И. Ленина на колонизацию вообще, Средней Азии в частности. Перед молодой советской историографией Средней Азии стояли тогда важные и практически не изученные проблемы социальных отношений, перехода от феодальных и патриархально-феодальных отношений к капитализму в дореволюционном Туркестане, развития капитализма вширь и значения этого процесса для социально-экономического развития метрополии, зарождавшегося рабочего класса и т. п.

20–40 гг. были ознаменованы серьезными научными достижениями историков Средней Азии. М. П. Вяткин, анализируя работы социально-экономического цикла этого периода (П. Г. Галузо, В. Лаврентьева, П. Погорельского, В. Батрикова и др.), отмечает вместе с тем и определенные упрощения в оценке сложных социально-экономических процессов в Туркестане на рубеже XIX–XX вв., когда порой

недооценивалось проникновение капиталистических отношений в экономику края (П. Г. Галузо¹), а с другой стороны переоценивалось (В. Лаврентьев²). Подготовка в 30–40-х гг. первых обобщающих трудов по истории среднеазиатских республик выявила серьезные пробелы и необходимость дальнейшего углубленного изучения социально-экономической истории дореволюционного Туркестана, в частности ее промышленности и рабочих кадров.

Эта работа проводилась уже в значительной мере в послевоенное время, и сам М. П. Вяткин принял в ней деятельное участие как автор соответствующих глав и разделов в упомянутых выше обобщающих трудах по истории Казахстана и Киргизии, так и исследуя проникновение монополистического капитала в Среднюю Азию. В книге отмечается большое значение объединенной научной сессии 1954 г. по истории народов Средней Азии и Казахстана в Ташкенте, где обсуждались патриархально-феодалные отношения у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, формирование здесь буржуазных наций. 50–60-е гг. были отмечены, по свидетельству М. П. Вяткина, серьезными достижениями в изучении сельского хозяйства и промышленности, крестьянства и рабочих Средней Азии (работы А. М. Аминова, А. Л. Суворова, А. Г. Зимы, К. Джунушева, П. Г. Галузо, Б. С. Сулейменова, С. И. Ильясова). Особо отмечались индивидуальные и коллективные труды по истории рабочего класса Средней Азии, характеристика совместных выступлений русских и среднеазиатских рабочих, сыгравших огромную роль в свержении царизма и конечной победе социализма в среднеазиатских советских республиках.

М. П. Вяткин в своей книге обратил особое внимание на нерешенные вопросы, в частности на необходимость приведения к общему знаменателю разноречивых ведомственных статистических материалов, дальнейшего углубленного изучения социально-экономических предпосылок социалистического переустройства среднеазиатского общества. Эти и другие соображения М. П. Вяткина в его последней книге и сегодня являются серьезным подспорьем для историков Средней Азии.

М. П. Вяткин был не только видный ученый-исследователь, он являлся также крупным организатором советской исторической науки. Почти 10 лет он возглавлял Ленинградское отделение Института

¹ Галузо П. Г. Туркестан — колония. М., 1929. 164 с.

² Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане. М., 1930. 160 с.

истории АН СССР (ныне Санкт-Петербургский Институт истории РАН), отдавая много сил собиранию и воспитанию научных кадров, умело направляя их на исследование актуальных проблем отечественной и всемирной истории. Много лет Михаил Порфирьевич возглавлял кафедру истории СССР Ленинградского педагогического института им. М. Н. Покровского, преподавал в Ленинградском университете (1944–1946 гг.), активное участие принимал в работе различных научных советов и конференций, редколлегии исторических журналов. Его ученики успешно трудятся сейчас в разных уголках нашей страны. Особенно много было сделано М. П. Вяткиным для воспитания кадров историков ряда национальных республик (Казахстан, Киргизия, Карелия). Заслуги М. П. Вяткина были высоко оценены советским правительством. Он был награжден орденами Трудового Красного Знамени и Знака Почета, медалями, ему была присуждена Государственная премия СССР. В связи с 70-летием он был удостоен высокого звания заслуженного деятеля науки РСФСР. Академия наук Киргизской ССР в 1954 г. избрала М. П. Вяткина своим членом-корреспондентом.

Михаил Порфирьевич Вяткин прожил большую, нелегкую, но достойную и содержательную жизнь. Уже почти четыре десятилетия его нет с нами. Но остались его замечательные книги, многочисленные ученики и коллеги по работе, а это означает, что дело, которому так самоотверженно и беззаветно служил Михаил Порфирьевич, продолжается и развивается*.

* В составлении биографического очерка принимали участие ученики, бывшие студенты и аспиранты М. П. Вяткина: Т. М. Китанина, И. П. Лейберов, С. И. Потолов, **В. А. Селезнев** и **А. И. Спасов**.

II
**УЧЕНЫЙ. ЧЕЛОВЕК.
УЧИТЕЛЬ**

**Воспоминания
о М. П. Вяткине**

Ученый. Человек. Учитель

Воспоминания о М. П. Вяткине

Слово об учителе

В феврале 1947 года я стал студентом первого курса исторического факультета Ленинградского государственного педагогического института им. М. Н. Покровского (старый большевик, революционер, видный ученый-историк, академик АН СССР). Тогда же впервые я узнал о профессоре российской истории, докторе наук Михаиле Порфирьевиче Вяткине, заведующем кафедрой истории СССР в том же институте.

К тому времени я закончил десятилетку в эвакуации на Урале, в городе Невьянске (Свердловской области). Вернувшись в Ленинград, я сначала поступил в технический вуз — в Ленинградский электротехнический институт инженеров сигнализации и связи (ЛЭТИИСС — слился с Железнодорожным институтом в 1958 г.). Будучи по природе и знаниям гуманитарием (мать — историк, отец — философ, дед — путиловец, старый социал-демократ), я через семестр буквально перебежал на истфак Пединститута. Тем более что оба института находились по соседству: ЛЭТИИСС — по улице Максима Горького (Кронверкский бульвар), дом 7; ЛГПИ — по Малой Посадской (ныне улица братьев Васильевых), дом 26, а сам я проживал тоже вблизи — на Дивенской улице, в доме 14.

Директором тогдашнего Пединститута им. М. Н. Покровского являлась умная и энергичная женщина Анна Федоровна Волкова, член партии с 1918 года, чекист эпохи Гражданской войны, партийный выдвиженец Кировско-Ждановского периода конца 20–30-х годов. В годы Отечественной войны в блокадном городе она заведовала отделом агитации и пропаганды Ленгоркома ВКП(б). Руководителем этого вуза А. Ф. Волкова стала еще в 1937 году — в страшном и кровавом году сталинских репрессий, когда происходила почти поголовная смена партийных, советских и хозяйственных работников во всех предприятиях, учреждениях, вузах. Тогда же ее заместителем по

учебной и научной работе в Пединституте был назначен мой отец, Павел Иванович Рождественский, доцент, кандидат философских наук; параллельно он заведовал кафедрой философии. Именно в этот период А. Ф. Волкова и П. И. Рождественский пригласили на заведование кафедрой физики выдающегося советского ученого-физика, профессора Игоря Васильевича Курчатова (впоследствии академика АН СССР, трижды Героя социалистического труда, руководителя работ по созданию первой атомной бомбы в СССР). Все это было накануне Великой Отечественной войны.

С воссозданием Пединститута в 1945 году, когда А. Ф. Волкова вновь стала его директором, она-то и пригласила Михаила Порфирьевича Вяткина на заведование кафедрой истории СССР в конце 1946 года. Он пришел не на пустое место: на кафедре сложились добротные научные и учебно-методические традиции еще в довоенные годы. В разное время на ней работали известные уже тогда ленинградские историки, профессора В. В. Мавродин, С. Б. Окунь, А. В. Предтеченский. М. П. Вяткин продолжил и укрепил эти добрые традиции. Однако заведование кафедрой не являлось главной работой Михаила Порфирьевича, его основная научная деятельность протекала в стенах Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Там он занимался изучением проблем по социально-экономической истории России, Средней Азии и Казахстана, российской крепостной мануфактуры в XVIII веке.

На кафедре истории СССР вокруг профессора М. П. Вяткина складывается сплоченный и дееспособный коллектив ученых, преподавателей и аспирантов. Среди наших преподавателей мне особенно запомнился доцент, кандидат наук Михаил Николаевич Мартынов — интересный лектор (с вологодским говором), серьезный ученый по истории средневековой России и горнопромышленного Урала петровской эпохи начала XVIII века. Человек большой и трагической судьбы, он в советское (точнее, в сталинское) время трижды арестовывался и сидел в тюрьмах только за то, что был видным членом эсеровской партии в Вологде вплоть до 1922 года. Вяткин уважал М. Н. Мартынова за его глубокие знания российской истории и независимый характер. Любимцем на кафедре Михаила Порфирьевича являлся сравнительно молодой и талантливый историк Николай Сергеевич Свиридов, долгие годы изучавший финансовую реформу (1839—1843 годы) видного государственного деятеля николаевской эпохи графа Е. Ф. Канкрин. Трагически складывалась его судьба: в середи-

не 1949 года его неожиданно арестовали и выслали из Ленинграда по так называемому «ленинградскому делу». Он поселился в Боровичах и еле-еле устроился там штамповщиком в пуговичную мастерскую. Мы тогда трое друзей студентов-историков Изяслав Айзенштадт, Валентин Кольцов (его отец и мать долгие годы провели в сталинских концлагерях как «враги народа», готовившие «покушение» на С. М. Кирова в Хибиногорске) и я навестили супругу Николая Сергеевича и выразили ей свою поддержку. На свою скромную студенческую стипендию мы купили какие-то фрукты и сладости и принесли их жене Н. С. Свиридова и его маленькой дочери. Миловидная молодая женщина (ученый-математик) громко разрыдалась от своего личного горя и нашего своеобразного внимания. Она плакала и тихо приговаривала: «Мальчики, большое спасибо. Будьте очень осторожны. Да спаси вас Бог!» Мы, конечно, никому не говорили о нашем посещении. Правда, со временем М. П. Вяткин узнал об этом от жены Николая Сергеевича. Тогда он нам сказал: «Вы, молодцы. Но за одно это посещение вас, ребятки, могли исключить из Пединститута. Слава Богу, что никто ничего не узнал и пронесло». В общем жили мы и учились в страшное время.

После очередного ареста М. Н. Мартынова и высылки Н. С. Свиридова, на кафедру истории СССР (осень 1949 г.) пришел бывший военно-морской десантник Александр Евгеньевич Сукновалов. Он защитил к тому времени в Ленгосуниверситете диссертацию по истории создания российского флота при Петре Первом. Это был опытный преподаватель, но сухой и желчный человек. М. П. Вяткин ценил научный талант А. Е. Сукновалова, помогал ему пробивать публикации в печать.

При кафедре была группа аспирантов-историков. Первыми аспирантами у М. П. Вяткина были Людмила Павловна Чернявская, Евгения Ефремовна Федорова, Юрий Евсеевич Новиков. Еще до войны Л. П. Чернявская закончила Пединститут и осталась в нем работать. Училась у моего отца, прекрасно к нему относилась, знала меня еще ребенком. Когда началась война, она возглавила эвакуацию преподавательских семей в Кировскую область в середине августа 1941 года. Дней десять мы ехали в двух товарных вагонах, все семьи преподавателей остались в Кирове. Моя мать (Тамара Ивановна Лейберова) увезла нас (пятерых детей и свою сестру) на Урал, в город Невьянск. С 1945 года Л. П. Чернявская возглавила Высшую профсоюзную школу культуры, куда она меня пригласила работать после

окончания мною аспирантуры на кафедре истории СССР в сентябре 1953 года. Почти одновременно мы с Людмилой Павловной защищали свои кандидатские диссертации: она по теме «Большевики в IV Государственной думе»; я — «Рабочее движение в Петрограде в годы Первой мировой войны». В сентябре 1954 года мы с ней в один день получили свои дипломы кандидатов наук. У меня и у нее Михаил Порфирьевич был научным руководителем, консультировал нас, помогал, читал и редактировал написанные главы, но и критиковал за недостатки и фактические ошибки в тексте. Написание диссертации у Чернявской шло тяжело и медленно, так как основное ее время было связано с работой директором ВПШК. М. П. Вяткин ей очень помог в завершении диссертации: если бы не Михаил Порфирьевич, еще неизвестно, когда бы она ее закончила. В 1954 и 1955 годах Чернявская дважды приглашала профессора Вяткина в ВПШК в качестве председателя Государственной экзаменационной комиссии. Михаил Порфирьевич очень серьезно относился к этой работе в ГЭКе, был внимателен к студентам-выпускникам, но и требовал с них знаний.

Тогда я уже работал преподавателем ВПШК и нередко в июне—июле встречал в коридорах Михаила Порфирьевича, особенно когда он выходил покурить. Он здоровался со мной за руку, спрашивал, как дела, что у меня нового, как жизнь. Для меня эти встречи и беседы были важным событием.

Помогал Вяткин в завершении диссертации и Е. Е. Федоровой, и Ю. Е. Новикову, который с сентября 1950 года стал деканом исторического факультета Пединститута. Вспоминается такой случай. На одном из заседаний кафедры обсуждалась одна из глав диссертации Жени Федоровой о декабристе А. И. Одоевском (1802—1839). Когда она сказала, что на Сенатской площади во время восстания Одоевский имел при себе револьвер, Михаил Порфирьевич сразу же ее поправил. Он сказал, что револьвер — нарезное оружие капиталистической эпохи, а декабрист Одоевский был вооружен гладкоствольным пистолетом, «подобные ошибки непростительно делать, тем более историк». В последующие годы Е. Е. Федорова-Боборыкина работала в Петроградском райкоме партии, заведовала кафедрой истории партии в Первом медицинском институте. На всю свою непродолжительную жизнь она сохранила глубокое уважение и признательность к М. П. Вяткину.

В самом конце 40 — начале 50-х годов на нашей кафедре появилась

вторая, более многочисленная группа аспирантов. Среди них были трое уральцев из Магнитогорска: Василий Иванович Макаров, Иван Федорович Ушаков, Александра Васильевна Сафонова. И тройка ленинградцев: Валерий Селезнев, Таисия Китанина (Горохова) и я, Игорь Лейберов. В нашей шестерке особенно выделялся своими знаниями и упорством в работе В. И. Макаров. Человек большой многострадальной судьбы, фронтовик-пулеметчик, в боях он потерял правую руку и левую ногу, почти два года провел в госпиталях. Не потеряв интереса к жизни, кончил Пединститут на Урале, там же работал учителем, успешно прошел аспирантуру в нашем пединституте им. М. Н. Покровского, стал кандидатом наук и доцентом. М. П. Вяткин глубоко уважал Василия Ивановича, преклонялся перед его фронтовым мужеством. Помог ему не только остаться на работе в нашем институте, на нашей кафедре, но и получить сначала комнату на семью в Доме политкаторжан на Петровской набережной, а потом и отдельную квартиру на улице Фрунзе, в Московском районе. Макаров отвечал на это внимание глубочайшим уважением и любовью к Михаилу Порфирьевичу, чтил его как большого и талантливого ученого. Да и мы, все аспиранты, точно так же уважали и чтили нашего любимого учителя и наставника.

Но свои основные рабочее время и силы Михаил Порфирьевич отдавал студенчеству, будущим учителям-историкам. Это объяснялось тремя факторами: М. П. Вяткин вырос в семье учителей еще в дореволюционное время, сам учительствовал в средних школах Томска и Ленинграда в 20 — начале 30-х годов, знал труд учителя-историка, трудности и основные проблемы преподавания истории в средней школе.

Студенты исторического факультета Пединститута уважали и ценили М. П. Вяткина за его знание предмета, демократизм и доброту по отношению к студентам. Нам он не читал систематического курса по истории СССР. На нашем IV курсе в 1949–50 учебном году он прочел спецкурс по историографии истории СССР. Это был интересный и поучительный цикл лекций ученого. Михаил Порфирьевич читал спецкурс не спеша, спокойно, негромким голосом, нередко без конспекта, иногда ходил по аудитории. Создавалось впечатление, что он как бы размышлял вслух над проблемами истории СССР, России, Средней Азии, исторической науки. Особенно любил освещать ключевые проблемы трудов В. Н. Татищева, Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского; из советских историков — Б. Д. Грекова

и Е. В. Тарле (с которыми сотрудничал и был близко знаком), критиковал М. Н. Покровского. Когда Вяткин читал лекцию, в аудитории стояла мертвая тишина, а в перерывах между лекциями он курил свои папиросы и беседовал со студентами. Ценил беседы с наиболее подготовленными студентами на исторические темы.

Немало сил и упорства тратил Михаил Порфирьевич на формирование у студентов научных интересов, навыков самостоятельной работы над первоисточниками. Этому я был непосредственным свидетелем и участником, ибо в 1948–1950 годах являлся старостой студенческого научного кружка при кафедре истории СССР. Один или два раза в учебном году М. П. Вяткин обязательно появлялся на заседаниях научного кружка, где либо сам выступал с научным сообщением, либо заслушивал доклад студента. В 1947–48 учебном году мною (тогда второкурсником) был подготовлен научный доклад по теме: «Сталинградская битва», который затем был переработан в курсовую работу. Дело в том, что мой отец был участником этой битвы (в составе 4-ой гвардейской армии) и уже после войны летом 1946 года привез в Ленинград целый чемодан фронтовых газет, листовок, документов, различных вырезок из газет и своих записок. Вот на этих-то материалах я и написал свой первый научный доклад. В него я вложил свою душу и упорство, тем более что наступала пятая годовщина этого грандиозного сражения.

Я сделал доклад на кружке по этой теме, его прослушали М. П. Вяткин и Е. И. Батова — научный руководитель кружка. Они, как и студенты — члены кружка, дали высокую оценку моей работе. Правда, Михаил Порфирьевич внес уточнение, заметив, что мне надо говорить не в целом о Сталинградской битве, а лучше о военно-политической работе среди войск в ходе битвы. Это была принципиальная поправка. В апреле 1948 года в Пединституте стало известно, что Министерство просвещения РСФСР проводит в начале июля Первую Всероссийскую конференцию лучших студенческих работ педвузов. Тогда же кафедра и Вяткин вынесли решение откомандировать меня с моей темой и мою сокурсницу Изиду Мечкаеву с темой по В. Г. Белинскому на конференцию в Москву. С нами поехал от физмата студент старшекурсник Георгий Иванов (позднее он стал доктором физико-математических наук, профессором Пединститута им. А. И. Герцена).

Разумеется, для нашей тройки это была своеобразная награда за наши первые научные потуги. Большую роль в этом сыграл М. П. Вят-

кин, который всегда беспокоился о научном и учебном авторитете нашего института. Мне еще тогда не было и 20 лет, в июне 1948 года я был принят кандидатом в члены ВКП(б); в партию меня рекомендовали Л. П. Чернявская — секретарь партбюро вуза, Е. Е. Федорова и комитет комсомола вуза, где я был одним из секретарей по идеологии.

Так, в начале июля 1948 года я впервые очутился в Москве. Стояла теплая солнечная погода. На конференцию нас — делегатов, возили на двух автобусах из студенческого общежития на окраине города в Московский пединститут им. В. И. Ленина на Большую Пироговку. Со своим докладом о Сталинградской битве я оказался в затруднительном положении. В нашей исторической секции среди делегатов находились многие фронтовики (старше меня на 5–7 лет), двое-трое из них сами участвовали в этом кровопролитнейшем сражении. Когда же я начал свой доклад, мне сразу же был задан вопрос: а принимал ли я участие в Отечественной войне и, в частности, в этой битве на Волге, и сколько мне вообще лет. Конечно, последовал мой отрицательный ответ. Получалось как бы, что я — 19-летний юнец — приехал в Москву «просвещать» многоопытных и обстрелянных в боях фронтовиков-студентов. Правда, все закончилось благополучно. Фронтовики-слушатели сжалились над моей юностью и терпеливо выслушали меня до конца. Была критика и отдельные одобрительные голоса в мою поддержку, что вот молодой человек с берегов Невы храбро взялся за такую сложную тему, за которую «боялись» пока братья ученые-историки.

Именно тогда впервые я понял, что всегда надо братья только за свою, «выстраданную» тему и серьезно ее изучать перед тем как освещать. В последний день конференции состоялась встреча всех докладчиков от педвузов республики с министром просвещения профессором А. А. Вознесенским, бывшим ректором Ленгосуниверситета. Пройдет несколько месяцев, и он будет арестован как «враг народа» и расстрелян вместе со своим братом членом Политбюро ЦК ВКП(б) и председателем Госплана СССР, академиком Н. А. Вознесенским по «ленинградскому делу».

В эти же дни с нами провели несколько экскурсий по историческим местам Москвы, в Кремль нас не пустили, впервые побывали в Мавзолее В. И. Ленина и в метро. Я вернулся в Ленинград. Тогда же состоялся неловкий мой разговор с Михаилом Порфирьевичем и с Е. И. Батовой. Я выразил пожелание, чтобы наши студенче-

ские доклады более строго и критически рассматривались на кафедре и в кружке. Вяткину эта принципиальность понравилась. Мне тогда показалось, что он меня с того момента хорошо запомнил, начал следить за моей учебой, здоровался, спрашивал про успехи или неуспехи в жизни и учебе. Это внимание маститого ученого вдохновляло, заставляло с большим усердием трудиться над книгами в библиотеках и дома.

Вообще, весна и лето 1948 года в нашем Пединституте и на историческом факультете были радостными, наполнены большими надеждами и новыми планами. Впервые в Пединституте монография М. П. Вяткина «Батыр Срым» — исследование об истории общественного и крестьянского движения батыра Срыма Датова в казахском обществе конца XVIII века — была удостоена Государственной премии СССР (точнее в то время — Сталинской премии) 2-ой степени. Коллектив института радовался успеху своего профессора. С этого момента часть наиболее подготовленных студентов и аспирантов-историков стала более внимательно изучать проблемы межнациональных отношений, национально-освободительных и революционных движений в России, на Украине, в Средней Азии и на Кавказе. Замечу, что трое из ленинградских аспирантов М. П. Вяткина долгие годы изучали рабочее и национально-освободительное движение в бывших национальных республиках России: С. И. Потолов — на Украине, в Донбассе и Азербайджане, в Баку; И. П. Лейберов — в Абхазии-Грузии-Армении (в 1984 г. удостоен звания «Заслуженный деятель науки Абхазской республики»); Ю. В. Курсков — в Карелии и Сибири. Ученики шли дорогами своего учителя.

М. П. Вяткин являлся сыном своего народа. Имел непростой и даже крутой характер. Шел в ногу со своим временем и народом. Умел вовремя расслабиться и отдохнуть. Михаил Порфирьевич мог появиться неожиданно на студенческом вечере, даже станцевать тур вальса или танго с симпатичной аспиранткой или студенткой. Со своими аспирантами мог выпить рюмку коньяка или водки по соответствующему случаю, но всегда держался в строгих рамках приличия и вежливости.

Мне выпало счастье близко знать и сотрудничать с Михаилом Порфирьевичем Вяткиным. Я бывал не раз в его доме на Суворовском, а он — у меня на Карповке, знал моего отца и мою жену. Оказал серьезную помощь мне в защите кандидатской диссертации, подключив к ее оппонированию известных профессоров С. Н. Валка и

В. В. Мавродина. Моя вечная благодарность Учителю. Светлая память о нем живет в моей памяти и в сердце.

*Лейберов Игорь Павлович,
доктор исторических наук,
профессор Санкт-Петербургского Гуманитарного
университета профсоюзов, действительный член
Международной Академии информатизации,
лауреат Государственной премии СССР
Июль 1993 — май 2005 г.*

Последний ленинградский аспирант

Судьбе так угодно было распорядиться, что я оказался последним ленинградским аспирантом Михаила Порфирьевича Вяткина. Конечно, и после меня у него были аспиранты и стажеры, но они были из Карелии и среднеазиатских республик, главным образом заочники, а я был очным аспирантом.

Вообще мне в жизни определенно везло на встречи и знакомства с хорошими, добрыми и порядочными людьми. Таким человеком, во многом повлиявшим на мою судьбу, был мой научный руководитель и старший коллега — Михаил Порфирьевич Вяткин. Впрочем, в моей ленинградской судьбе было и много случайностей, правда, в большинстве случаев — счастливых. И одной из таких счастливых случайностей как раз и была моя встреча с М. П. Вяткиным.

Началось все сорок лет назад, в январе 1955 г., когда я, еще будучи студентом пятого курса истфака Одесского университета, впервые приехал в Ленинград поработать в Центральном гос. историческом архиве, в знаменитом ЦГИАЛе, собрать материалы для своей дипломной работы «Формирование промышленного пролетариата в Донбассе во второй половине XIX века». В немногие свободные от работы в архиве и публичке часы я любил бродить по городским улицам и площадям, бывать в музеях и театрах. И тогда я бесповоротно влюбился в этот прекрасный город великой и нелегкой судьбы. Тогда же я много узнал о страшной Ленинградской блокаде от переживших ее друзей моих родителей, у которых — в их квартире на Крестовском острове — я остановился и прожил почти месяц.

Я в это время готовился к поступлению в аспирантуру, имел приглашение из киевского Института истории АН УССР, где должен был сдавать экзамены, как обычно, — в сентябре. Случайно я, еще будучи в Ленинграде, узнал, что в Ленинградском педагогическом институте, который еще сравнительно недавно носил имя известного советского историка М. Н. Покровского, объявлен прием в очную аспирантуру по кафедре истории СССР, причем экзамены в этом году, в порядке эксперимента, будут проходить сразу же после окончания летней экзаменационной сессии, в начале июля. Поэтому сразу после сдачи последнего экзамена в университете и даже не дождавшись выпускного вечера (уже из Ленинграда я телеграммой поздравил своих друзей-сокурсников во время их банкета), получив диплом и необходимые документы в университетской канцелярии, я сел в поезд и через два дня был уже в Ленинграде. А уже через неделю я, после успешной сдачи трех приемных экзаменов, стал аспирантом ЛГПИ. Помимо всего прочего, это обернулось целым свободным летом, когда можно было вдоволь накупаться в Черном море и позагорать на одесских пляжах.

Но уже осенью начались аспирантские будни и первые встречи и беседы со ставшим моим научным руководителем — заведующим кафедрой истории СССР ЛГПИ, профессором Михаилом Порфирьевичем Вяткиным. Высокий, импозантный, знаменитый уже историк, лауреат Государственной премии, он, на первый взгляд, казался несколько надменным и недоступным. К счастью, это оказалось только первым впечатлением, хотя, признаюсь, и в дальнейшем между нами сохранялась немалая дистанция, вполне, впрочем, оправданная. Мы как-то сразу договорились, что я буду продолжать разрабатывать тему своей дипломной работы о рабочих Донбасса, по которой у меня уже был серьезный задел и даже большая (1,5 п.л.) опубликованная (в 1954 г.) статья в сборнике студенческих работ Одесского университета. Позднее я понял, что моему руководителю была особенно близка тематика по истории народов СССР, и мой выбор его вполне устраивал. Для меня же, начавшего работать над донбасской темой сразу на третьем курсе университета, в ее исследовании, помимо всего прочего, было юношеское стремление познать свои жизненные корни. От отца, его сестер я знал, что мой дед, Кузьма Терентьевич Потолов, еще в конце прошлого века, 15-летним подростком ушел из калужской деревни на заработки в шахты Донецкого угольного бассейна, откуда уже позднее перебрался в Одессу.

Мои взаимоотношения с Михаилом Порфирьевичем как научным руководителем были достаточно своеобразными. Я старался не особенно докучать и выносил на его суд уже готовые разделы, которые он внимательно читал и возвращал с ценными для меня замечаниями. Происходило это, естественно, не очень часто, но такие деловые контакты, по-моему, устраивали нас обоих. И, наоборот, я помню, с каким неудовольствием и даже раздражением встречал Михаил Порфирьевич излишне частые, чуть ли не еженедельные обращения к нему другого аспиранта Ю. К., который старался приносить даже небольшие куски своей диссертации, отдельные страницы, еще сырые и неотработанные, на просмотр научного руководителя. Поэтому и непосредственные мои встречи и беседы с М. П. Вяткиным во время аспирантуры не были уж такими регулярными и, как я помню, дома у него, на Суворовском, я в эти годы был всего раза два.

Помимо работы над диссертацией я стремился в эти годы пополнить свои исторические знания и не пропускал публичных лекций и выступлений крупнейших ленинградских историков В. В. Мавродина, С. Б. Окуня, А. В. Предтеченского, В. Н. Бернадского. В самом педагогическом институте я в первый же свой аспирантский год, с разрешения Михаила Порфирьевича, прослушал вместе со студентами четвертого курса его лекции по историографии. Читал Михаил Порфирьевич свои лекции как-то отрешенно, зачастую вполоборота к аудитории, но — об этом свидетельствуют и сохранившиеся у меня конспекты, — очень глубоко и содержательно. Особое внимание в лекциях обращалось на социально-экономическую проблематику, будь то труды В. О. Ключевского, М. Н. Покровского, Б. Д. Грекова и других выдающихся русских и советских историков, которые разбирались на лекциях.

Третий свой аспирантский год я провел уже в стенах Герценовского педагогического института на Мойке, с которым был слит, а фактически ликвидирован Покровский институт. Уже тогда было очевидно неоправданное и несправедливое к сравнительно (с Герценовским) небольшому, но высокопрофессиональному и деятельному коллективу преподавателей и студентов-покровчан отношение со стороны тогдашнего ленинградского партийного начальства, в частности бывшего тогда первым секретарем обкома Ф. Р. Козлова. В Герценовском институте М. П. Вяткин остался на объединенной кафедре истории СССР, но уже в качестве рядового профессора.

Три аспирантских года пролетели в общем быстро и предо мной

со всей серьезностью встал вопрос о трудоустройстве. Устроиться по специальности в Ленинграде было достаточно сложно, бытовых проблем тоже хватало: у меня в 1957 г. родился сын, и мы втроем ютились в 12-метровой комнатухе, которую снимали в большом казенном доме на Петроградской стороне, выходившем на улицы Скороходова и Л. Толстого. Хотя преподавательская работа меня особенно не привлекала, оставалось только надеяться на удачное распределение по линии Министерства просвещения, куда-нибудь на периферию. И вот в это трудное для меня время на помощь пришел Михаил Порфирьевич. Он как-то попросил меня остаться и сказал, что в Ленинградском отделении Института истории АН СССР, который он в то время возглавлял (преподавательскую работу он вел по совместительству), есть вакансия старшего научно-технического сотрудника с окладом в 980 руб. (дело было в 1958 г.), на которую он может меня взять. При этом он спросил, как у меня с пропиской, предупредив, что если она временная, он ничего, при всем своем желании, сделать не сможет.

И тут мне в очередной раз повезло. Дело в том, что весь наш аспирантский прием (1955 г.) в Покровский институт, а это было несколько десятков человек и среди них многие иногородние, был прописан — я имею в виду неленинградских аспирантов — в институтском общежитии на 1 линии Васильевского острова постоянно (с 1956 г. постоянная прописка была заменена временной, трехгодичной). Я об этом сказал Михаилу Порфирьевичу и таким образом 1 сентября 1958 г. стал сотрудником ЛОИИ. Для меня это был предел моих мечтаний. Я к этому времени был уже достаточно наслышан о замечательных научных, академических традициях ЛОИИ, его трудной судьбе. Как известно, ЛОИИ было старейшим историческим учреждением, берущим свое начало еще в археографических экспедициях 20–30 гг. XIX века. Оно было истинным предшественником московского Института истории, который был организован в 1936 г., после перевода Академии наук в Москву, после чего Историко-археографический институт в Ленинграде был преобразован в Ленинградское отделение Института истории. А в 1953 г. ЛОИИ, как известно, было ликвидировано, и только через два года эта несправедливость была исправлена и началось трудное возрождение коллектива.

Я к тому времени был уже знаком с отдельными сотрудниками ЛОИИ, с некоторыми (Б. В. Ананьичем и Т. М. Китаниной) мы были коллегами по аспирантуре Покровского института. Помню, как в

ноябре 1957 г. присутствовал на заседании памяти Б. А. Романова. По приглашению М. П. Вяткина я представил статью о ранних монополиях в Донбассе для институтского сборника (издан был в 1959 как 1-ый вып. «Трудов ЛОИИ» под тематическим названием «Из истории империализма в России»). В общем мой приход в Институт оказался вполне органичным, и я горжусь тем, что участвовал в становлении этого замечательного коллектива. И, конечно, повседневное общение с такими выдающимися историками старшего поколения, как академик Василий Васильевич Струве, Александр Игнатьевич Андреев, Иван Иванович Смирнов, ставшими моими старшими коллегами в группе капитализма Сигизмундом Натановичем Валком, Шнеером Менделевичем Левиным, самим Михаилом Порфирьевичем Вяткиным были лучшей школой, научными и нравственными ориентирами.

Меня после прихода в ЛОИИ сразу подключили к большой работе, которая велась по выявлению и публикации архивных материалов по истории российского монополистического и финансового капитала. И уже через месяц после зачисления в штат ЛОИИ мы с Александром Александровичем Фурсенко вылетели на месяц в Баку, Грозный и Тбилиси для выявления в тамошних архивах документов для подготавливаемого сборника «Монополистический капитал в нефтяной промышленности России» (1 том — до 1914 г. — был издан в 1961 г.)*. Много времени мы проводили и в ленинградских архивах, работали с подлинным энтузиазмом, не считаясь со временем. И результаты были немалые — в виде ряда фундаментальных документальных публикаций, монографических исследований, научных статей. В Москве этой работой руководил Аркадий Лаврович Сидоров, в ЛОИИ — Михаил Порфирьевич Вяткин. Михаил Порфирьевич опубликовал в это время ряд исследовательских статей, выступил научным редактором сборника «Монополии в металлургической промышленности России», был одним из организаторов большой конференции в 1961 г. по истории империализма в России. Немалая заслуга принадлежит Михаилу Порфирьевичу и в привлечении молодых научных кадров, когда в конце 1950 — начале 1960-х годов пришли в ЛОИИ многие из тех, кто впоследствии стали ее ведущими сотрудниками.

* К величайшему сожалению, выявленные мною в 1958 г. в Гос. архиве Чечено-Ингушской АССР (Грозный) и частично тогда же опубликованные в сборнике и статьи документы стали сегодня в подлинном смысле уникальными. В огне трагической чеченской войны сторел и сам архив, и хранившиеся в нем бесценные документальные богатства.

Меня работа в Институте несколько отвлекла от завершения своей диссертации, за что Михаил Порфирьевич меня часто журил. Чтобы подтолкнуть меня к ее быстрейшему завершению, по его настоянию, моя тема, в значительно расширенных хронологических и проблемных рамках, была включена в институтский план в качестве монографического исследования. В конце концов так и получилось, и я в январе 1964 г. защитил вышедшую перед этим монографию «Рабочие Донбасса в XIX веке» в качестве кандидатской диссертации, радуясь при этом, что не нужно писать автореферат (тогда при издании книги это было необязательно).

Между тем в судьбе самого Михаила Порфирьевича произошли большие перемены. Осенью 1961 г. на очередном отчетно-выборном партийном собрании он неожиданно набрал меньше других кандидатов голосов и не вошел в состав партбюро, как это бывало раньше (тогда еще не действовало уставное правило, чтобы быть избранным, достаточно набрать 50 % голосов). В его директорском положении вообще это было вполне естественным делом, тем более, что Михаил Порфирьевич был достаточно сложным человеком и отношения с отдельными сотрудниками были непростыми. Однако Михаил Порфирьевич воспринял результаты голосования очень болезненно, как выражение ему недоверия со стороны коллектива. Помню, мы с Александром Александровичем Фурсенко, как представители партбюро, поехали к Вяткину домой и пытались его успокоить. Но тот сказал, что он подает в отставку с поста директора и написал по этому поводу заявление в московскую дирекцию.

Заявление в конце концов было удовлетворено, и Михаил Порфирьевич продолжил свою деятельность в ЛОИИ в должности старшего научного сотрудника. Но именно последующие 6 лет жизни оказались для него наиболее продуктивными. За эти годы он написал три большие книги (последняя была издана уже после его смерти — см. библиографию), активно сотрудничал с Академией наук Киргизской ССР, членом-корреспондентом которой он был с 1954 года, в научно-исследовательской работе и подготовке научных кадров. Он по-прежнему интересовался моей работой — я в это время вместе с другими коллегами был занят в большой коллективной работе — в ЛОИИ шла подготовка 2-томника «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», радовался успехам сотрудников Института. Мы уже тогда перебрались из здания Библиотеки Академии наук в особняк академика Н. П. Лихачева на Петрозаводской, 7, но здесь Михаил Порфи-

рьевич бывал нечасто — последнее время он нередко болел и 7 декабря 1967 г. скончался.

Уже почти три десятилетия нет с нами Михаила Порфирьевича, но благодарная память о нем для меня священна, и мы, его ученики и друзья, ряды которых за эти годы заметно поредели, были всегда глубоко благодарны его вдове Марии Филипповне, которая долгие годы гостеприимно собирала нас 7 декабря у себя дома на Суворовском, где мы обычно, после посещения Серафимовского кладбища, где похоронен Михаил Порфирьевич, поминали его добрыми словами уважения и памяти. Сегодня уже нет и Марии Филипповны, но эстафету памяти приняли Валерия Михайловна и Вадим Михайлович Вяткины, дочь и сын Михаила Порфирьевича, жена сына — О. П. Чикалова-Лузина, внучка Кира. Правда, в год столетия Михаила Порфирьевича мы решили собраться не в декабре, а в августе, в день его рождения. И к этому дню подготовлен настоящий сборник — дань уважения и памяти нашего учителя и друга, большого ученого и замечательного человека.

*Потолов Сергей Иванович,
кандидат исторических наук,
зав. группой истории российских революций
и общественного движения СПб ФИРИ РАН,
лауреат Государственной премии СССР
5 мая 1995 г.*

Р. С. Я не стал ничего менять из написанного (в мае 1995 г.), хотя с тех пор произошли многие события в нашей и страны жизни. Скончалась В. М. Вяткина, трудно всем нам в повседневной работе, к сожалению, «забыли» отметить 100-летие М. П. Вяткина в Институте, в котором он плодотворно трудился свыше 30 лет. Главное, наконец, выходит этот сборник — коллективная память о выдающемся ученом.

19 октября 1996 г.

Р. Р. С. Десять лет спустя

Прошедшее после первого издания книги десятилетие при всех трудностях нашего бытия сохранило в узком «вяткинском» кругу семьи и учеников М. П. Вяткина удивительную атмосферу дружелюбия, взаимоподдержки, ставшей для всех нас доброй традицией. Мы по-прежнему каждый год собираемся «на огонек» в гостеприимной

квартире Михаила Порфирьевича и Марии Филипповны Вяткиных на Суворовском, 56. Конечно, все мы за эти годы постарели, здоровье уже не то, но дело свое стараемся продолжать.

Радостно, что младшая из Вяткиных, внучка Михаила Порфирьевича, Кира, выросла, стала талантливым математиком, кандидатом наук. Любопытный пример творческой взаимопомощи. Еще до защиты диссертации тема Киры привлекла внимание зарубежных ученых, и она получила приглашение на Международную конференцию в Калифорнийском университете в Беркли (США). Но были проблемы с жильем, и я тогда обратился за помощью к своему давнему другу и коллеге профессору исторического факультета в Беркли Реджинальду Зельнику. Он тогда нам помог и в письмах по e-mail тепло отзывался о Кире, ее высокой культуре, отличном знании своего предмета и английского языка. Мы с Вяткиными тогда очень ждали Р. Зельника, который должен был участвовать в организуемом нашей группой истории российских революций и общественного движения традиционном Международном коллоквиуме летом 2004 г.

Я специально договорился с родственниками академика А. М. Панкратовой, что Р. Зельнику будет предоставлена возможность ознакомиться с интересующими его документами (дневниками) в ее личном архиве. К несчастью, перед самым приездом Реджи трагически погиб. Мы тогда посвятили его памяти заседание нашего коллоквиума, в котором приняли участие и Кира со своей мамой, известным физиком О. П. Чикаловой-Лузиной. Доброе дело Р. Зельника не пропало. Кира Вяткина успешно защитила свою диссертацию, и теперь ее непрерывно приглашают на различные научные форумы (сейчас, когда я пишу эти строки, она участвует в очередной международной конференции в Португалии), и мы все радуемся ее успехам.

Другой пример. При нынешней, разрушенной до основания в постсоветском пространстве системе книготорговли и особенно распространения малотиражных изданий, мы своими усилиями старались снабдить книгой о М. П. Вяткине хотя бы крупнейшие университетские центры у нас и за рубежом. Естественно, первые экземпляры были переправлены в нынешние суверенные республики Казахстан и Кыргызстан. Активно использовали мы для этого и свои зарубежные научные командировки, когда с собой обязательно везли и последние наши издания, в том числе и книжку о М. П. Вяткине. Так она оказалась в университетских библиотеках в Хельсинки, Париже, Амстердаме, Бохуме, Берлине, Вашингтоне, Нью-Йорке, Бер-

кли и Стэнфорде. Помню забавный случай. Осенью 1997 г. по гранту Института Кеннана я работал в Библиотеке Конгресса США в Вашингтоне, крупнейшем книгохранилище мира. Туда я привез и книжечку о М. П. Вяткине и был приятно удивлен, когда директор Библиотеки, крупнейший специалист по истории России и обаятельный человек профессор Джеймс Биллингтон в разговоре со мной сказал, что об этой книге он знает: она заказана и получена Библиотекой («у нас хорошие дистрибьютеры в России») и это при тираже 300 экз.!

В Еврейский университет в Иерусалиме я переправил книгу через моего старшего сына Александра, который с конца 1994 г. жил и работал в Израиле и, когда я там был в 2000 г., то с удовлетворением нашел ее в университетском каталоге. Пишу эти строки с тяжелым чувством, т. к. совсем недавно мы потеряли Сашу: он скоропостижно скончался, не дожив даже до 49 лет. А ведь он тоже был причастен к нашему «вяткинскому братству». Когда сын был аспирантом Одесского политехнического института, который, кстати, окончил и мой отец, Иван Кузьмич Потолов (дочь, Сашина младшая сестра — Леночка, с которой мы в эти трудные для всех нас дни чуть ли не ежедневно перезванивались, сообщила мне, что нашла в сашиных бумагах папку с документами и фотографиями деда, которые он собирал для институтского музея), и готовил свою диссертацию, он пользовался советами и помощью (лабораторной) сына Михаила Порфирьевича, Вадима, доцента ЛЭТИ, и его жены Оли, давнего сотрудника нашего Физтеха.

Мы с женой оценили внимание и сердечное участие семьи Вяткиных, когда Оля и Кира разделили наше горе в 40-й день после безвременной кончины сына.

Дописывая эти строки, тороплюсь сдать в Издательство новую дополненную редакцию книги о своем научном руководителе и наставнике перед отъездом (уже на следующий день) в Святую землю, где нашел свой последний покой мой дорогой и незабвенный Саша. Мир его праху! Добрая память о нем навсегда сохранится в наших сердцах.

В заключение хочется еще раз выразить надежду, что новое издание книги о Михаиле Порфирьевиче Вяткине, приуроченное к его 110-летию, также найдет своего заинтересованного читателя.

*С. И. Потолов,
старший научный сотрудник
СПб Института истории РАН
20 марта 2006 г.*

**О М. П. Вяткине, начинающих историках
и «мсье Ренувен»**

Начало моей работы в ЛОИИ в 1956 году, когда Институт размещался в помещениях Библиотеки Академии наук (БАН), связано с Михаилом Порфирьевичем Вяткиным, а весь этот период окрашен в памяти в светлые и радостные тона. Я был молод, наивно верил в порядочность, бесхитрость, в чистые помыслы людей, посвятивших себя науке, и был счастлив. Очевидно, поэтому все, что происходило в те годы, вспоминается мне в добрых и юмористических тонах. В памяти всплывают забавные и веселые эпизоды.

Иногда Михаил Порфирьевич приходил на работу в плохом настроении, и тогда секретарь канцелярии, всеми уважаемая Вера Федоровна Варфоломеева посылала к директору заведующую читальным залом архива В. И. Садикову. Из глубин своего стола, где позвякивали какие-то банки, кружки и чашки, маленькая, кругленькая Вера Ильинична доставала книжный дефицит и торопливо семенила к кабинету директора. После ее визита Михаил Порфирьевич становился снова благодушным, начиналась подписка документов и счетов, в читальном зале над столами античников, над завалами «Боспорского корпуса» снова звенел смех А. А. Нейхардт и И. А. Шишовой, жизнь института входила в нормальное русло. Как и все, я посмеивался над миротворческой деятельностью Веры Ильиничны и представить себе не мог, что в один прекрасный день сам невольно сыграю роль громоотвода.

А дело было так. Своего кассира у нас не было, и в дни зарплат, а в те далекие застойные времена ее выдавали регулярно, этим занималась старшая машинистка машбюро Тамара Николаевна Иванова. В определенные часы она выдавала зарплату, а затем снова возвращалась к своим прямым обязанностям и очень сердилась, если мы приходили за деньгами не вовремя. В этот день я заработался в читальном зале БАН и, спохватившись, спустился на второй этаж с некоторым опозданием. Когда я вошел в наш заставленный книжными шкафами коридор, в его противоположном конце Тамара Николаевна уже стояла у дверей канцелярии и показывала мне кулак. Чтобы разрядить обстановку, я изобразил, что, поправив сомбреро, вскакиваю в седло и, нахлестывая брыкающегося и вертящегося коня, «поскакал» к ней. С первых же движений я достиг полного успеха — Тамара Николаевна от души смеялась — я был прощен. Увы! Я не знал,

что в тот день Михаил Порфирьевич пришел особенно мрачным, никого не принимал и не хотел видеть, и продефилировал мимо его кабинета «на полном скаку». В какой-то момент поза Тамары Николаевны изменилась, на лице ее появился ужас, остановившимися глазами она смотрела куда-то мимо меня, даже сквозь меня... Я невольно оглянулся назад. Дверь директорского кабинета была распахнута, на пороге его стоял Михаил Порфирьевич и потрясенно следил за моими телодвижениями. Какое-то мгновение я удерживался на одной ноге, в следующее мы с Тамарой Николаевной уже были за дверью. А через пару минут Михаил Порфирьевич появился в канцелярии сам. Он был в очень хорошем настроении!

Я тогда просил Тамару Николаевну никому не рассказывать о случившемся. Не знаю, сдержала ли она слово, но мне она долго не давала прохода. «Иди Ростиславич, — говорила она мне на ухо, — поскакай, Порфирьич сердитый ходит!», и заходилась от смеха.

К этому же периоду относится и другой случай, характеризующий М. П. Вяткина как человека отходчивого и справедливого. В один, совсем не прекрасный, день меня вызвал к себе ученый секретарь Института и предложил пойти с утра в Центральный исторический архив и незаметно переписать всех работавших там наших сотрудников. Задание меня удивило и возмутило, я отказался его выполнить, заявив, что поступил на должность м.н.с., а не доносчика. Через 5 минут Институт знал о случившемся. Вера Федоровна, хватаясь за щеки пухлыми ручками, ахала: «Голубчик, Андрей Ростиславович, что же это Вы? Это же задание дирекции! (Слово «дирекция» она выговаривала нарочито почтительно, как-то с большой буквы). Вы только что приняты на работу и...!» Исправить я ничего не мог, да и не хотел, но был в мрачном настроении. Столь счастливо начавшаяся работа в ЛОИИ вдруг гибла, все рушилось, меркло, и мне мерещился конец, полный и безвозвратный. Когда на следующий день Вера Федоровна драматическим сдавленным шепотом объявила мне, что меня вызывает к себе «сам», я уже был готов к увольнению. Я вяло обдумывал, что скажу директору, которого глубоко уважал, если он повторит требование ученого секретаря, какими именно словами откажусь выполнить его поручение. Я еще не знал, что вопрос о моем поведении уже обсуждался на партийном бюро, и коммунисты не осудили меня. Я брел по коридору к директору и хотел только одного, чтобы все скорее кончилось.

Мне показалось, что Михаил Порфирьевич с интересом меня

рассматривает и взгляд у него не сердитый, но голос его прозвучал сурово: «Это что же Вы, понимаете ли, не выполняете распоряжений дирекции?». И, сделав небольшое движение головой в сторону, снова стал меня разглядывать. Я перевел взгляд на окно и молчал. Отвечать не хотелось, да и какой смысл. Некоторое время Михаил Порфирьевич стучал пальцами и перебирал на столе бумаги и внимательно на меня поглядывал. Потом, опираясь кончиками пальцев на край стола, он откинулся на спинку кресла и как-то ворчливо-миролюбиво сказал: «Ступайте, работайте!». И когда я нерешительно направился к дверям, совсем неожиданно добавил: «Молодец!». Сейчас, спустя многие годы, я понимаю, что для вчерашнего школьника и студента это было хорошим уроком на повторение пройденного.

С Михаилом Порфирьевичем связана и моя первая статья. Мой непосредственный начальник Сергей Иосифович Аввакумов был человеком глубоко порядочным и добрым, но почему-то был уверен, что настоящий научный работник, подобно Илье Муромцу, должен копить силы и знания до сорока лет. Только после достижения этого рубежа научной зрелости он мог начинать «отдавать» свои знания — писать исследовательские и прочие работы. Переубедить его было невозможно, так как публично Сергей Иосифович с такими заявлениями или особым мнением не выступал, но в жизненной практике придерживался этого правила твердо. Мне было тогда лет 26–27, и оставшиеся до сорока лет годы мне предстояло «накапливать знания» и изображать или, как говорят в армии, «обозначать» бурную деятельность. Я выполнял всю техническую работу по сектору, но ее было немного, так как сектор советской истории в те годы состоял всего из трех человек. Третьим членом сектора была тишайшая Т. К. Треногова — человек большой, светлой души, очень скромная и добрая. Так как я постоянно приставал к заведующему сектором с просьбой дать мне работу, то в конце концов и схлопотал задание составлять картотеку по необъятной теме. Этой работы мне, очевидно, должно было хватить если не до пенсии, то уж до сорока лет наверняка. Сергей Иосифович рекомендовал мне заодно (!) знакомиться с литературой и постепенно подбирать себе тему для более глубокого изучения в будущем. Просить работу я, естественно, перестал. Сергей Иосифович посмеивался хитровато и был очень доволен. Я занимался картотекой, но не мог забыть о том, что моя студенческая дипломная работа по февралю 1917 года была рекомендована Ученым советом исторического факультета ЛГУ к печати. Словом, я не так представлял себе

начало своей работы в Институте истории АН СССР. Но наученный горьким опытом, я помалкивал и никому не жаловался.

К счастью, оказалось, что Михаил Порфирьевич не забыл о новом молодом сотруднике. Выяснив постепенно у кого-то, чем я занимаюсь, он в один прекрасный день вызвал меня к себе в кабинет и тоном, не допускавшим никаких возражений, объявил: «Вы должны, понимаете ли, завтра поехать в Москву. Поработайте там в спецхране Ленинской библиотеки недели две и соберите материал по буржуазной историографии Брест-Литовского мира. Посмотрите, что они там, понимаете ли, пишут, и подготовьте небольшую статью по этому вопросу». Видя на моей физиономии выражение полной растерянности, он добавил: «Степан Степанович Волк тоже едет, он Вам покажет, где что. А документы и билет на самолет получите сейчас у Веры Федоровны. Ступайте к Вере Федоровне, не теряйте времени!» И правой рукой очень выразительно показал на дверь. Я был в шоке. Я никак не решался выбрать себе тему и что-либо написать, а тут сразу статью для сборника, да еще по буржуазной историографии... Но спорить было нельзя, производственное задание директора я должен был выполнить либо признать свою полную непригодность к научной работе. Михаил Порфирьевич очень хорошо понял и мою нерешительность, и положение в секторе, и позицию С. И. Аввакумова и прибег к способу, которым иногда учат плавать — бросил в воду на глубоком месте — плыви, как можешь. Правда, перед этим, как выяснилось позже, он имел обстоятельный разговор с моим университетским руководителем Борисом Михайловичем Кочаковым.

Итак, выбора не было. Ужас от мысли, что я не справлюсь, что не выполню задание, не проходил у меня ни дома, пока я собирал свои вещи, ни в самолете ТУ-104, ни потом в Москве. Я работал, как одержимый, просиживая в спецхране от открытия его до закрытия ежедневно. Иногда в читальный зал наведывался С. С. Волк. Он советовал посмотреть еще такую-то книгу и быстро исчезал. В один из таких инспекторских заходов Степан Степанович сказал мне, что М. П. Вяткин взял с него слово, что он поможет мне, если увидит, что дело не идет. Мое самолюбие было задето. Я старался изо всех сил. Я барахтался, я лупил по воде руками и ногами и таким вольным стилем удалялся от берега все дальше и дальше. Возвращаться в исходные позиции было уже поздно. К моему счастью французские историки не были повально увлечены темой Брест-Литовского мира. К концу второй недели у меня была уже стопка тетрадок с выписками. Больше

спецхран Ленинки ничего дать не мог. Можно было возвращаться в Питер. О теме я имел самое общее представление, по зато твердо стоял на позициях марксизма-ленинизма в оценках работ буржуазных историков. Кто есть кто во французской историографии, не знал, хуже того — я уже не имел времени и возможности в этом разобраться. С лихостью абитуриента я отнес к числу французов араба и поляка, писавших на французском языке, а статьи М. Тореза, М. Кашена и Ж. Дюкло рассматривал заодно с работами историков П. Ренувена, М. Крузе, К. Ане и др. Через месяц статья была готова и обсуждалась на Ученом совете в составе третьего тома трудов ЛОИИ. С. И. Аввакумов был искренне удивлен и недоволен. Б. В. Ананьич сухо сказал мне, что ЛОИИ я, конечно, спас, но больше этого делать не следует. Ю. С. Токарев, разминая очередную беломорканалину и заводя глаза спрашивал: «А ты советскую литературу-то читал?» и противно хихикал. Зато одна почтенная дама, владевшая тремя европейскими языками, предложила мне соавторство — она бралась переводить тексты, а я должен был разделяться с буржуазными историками. Таким макаром мы создали бы серию статей в центральных журналах и получали деньги. К счастью, внутренне я был согласен с Ананьичем и Токаревым и, сославшись на исключительную производственную занятость, вежливо отклонил предложение о серии статей. Позже французский историк М. Ферро, картинно манипулируя трубкой, говорил мне: «Андрэ, я читаль Ваша статья. Я обещаю Вам не показать ее мсье Ренувен. Он очень крупный историк Европ и мне жаль его огорчать. Я боюсь за его здоровье!». К тому времени я уже и сам понимал, что к чему. Мои занятия буржуазной историографией закончились, к счастью, для меня и «мсье Ренувен». Но занятия отечественной историей начались. Составление никому не нужной карточки перестало быть главным делом моей работы в ЛОИИ. И за это я искренне благодарен Михаилу Порфирьевичу.

*Дзенискевич Андрей Ростиславович,
доктор исторических наук,
лауреат Государственной премии СССР
(1995 г.).*

Один из ленинградцев

Давно замечено: чем чаще встречаешься с человеком, чем ближе с ним сходишься, тем все меньше и меньше думаешь о его значимости. И который раз убеждаешься в правоте поэта: большое видится на расстоянии. Но неужели для того, чтобы полностью оценить человека, для себя хотя бы, его надо потерять?

...Со студенческой скамьи мечтал я о научной работе. В меру сил и усть-каменогорских возможностей пятидесятих годов пытался заниматься наукой после окончания университета. Не во многом преуспел, скажем прямо. На всю жизнь останется памятным 1958 год. Осенью этого года, уезжая из Усть-Каменогорска, Сергей Сергеевич Черников, известный археолог, сказал: «Вот что. Как-никак, а я археолог. Много помочь не могу. Приезжайте-ка в Ленинград — потолкуем со специалистами».

В Ленинграде Сергей Сергеевич меня встретил радушно: «Хорошо, что приехал. Я говорил о Вас с Михаилом Порфирьевичем Вяткиным. Завтра в четырнадцать часов он Вас ждет. Я тоже подойду». Конечно, я знал имя лауреата Государственной премии СССР профессора М. П. Вяткина, но не мог себе представить реальную встречу с ним. Он для меня существовал как абстрактный авторитет. И вдруг...

А, собственно, что я знал о М. П. Вяткине? Знал, что в 1941–1943 годах Михаил Порфирьевич работал в Алма-Ате. Знал, что с середины 30-х годов он прочно связал свои научные интересы с изучением исторических судеб казахского народа, внес заметный вклад в развитие источниковедения истории дореволюционного Казахстана. Работа его по казахской проблематике, собственно, и началась с публикации источников. Это — «Путевые записки лекаря Зибберштейна» (1936 г.), «Сказки XVIII в. как источник для истории Казахстана». Это, наконец, издание под руководством и при активном его участии двух томов «Материалов по истории Казахской ССР». Михаил Порфирьевич создал один из первых обобщающих трудов по истории дореволюционного Казахстана — «Очерки по истории Казахской ССР. С древнейших времен до 1870 г.». В 1947 году вышла его книга «Батыр Срым», удостоенная Государственной премии СССР. Он был одним из редакторов и авторов коллективного труда «История Казахской ССР». Короче говоря, я дилетантски знал ученого М. П. Вяткина и совсем не знал человека.

К монументальному зданию Библиотеки Академии наук СССР, где

тогда размещалось Ленинградское отделение Института истории, я пришел на полчаса раньше назначенного времени. На пронизывающем февральском ветру ждал у входа Сергея Сергеевича Черникова, чтобы перекинуться с ним хоть парой слов перед беседой с известным ученым, да и во время беседы чувствовать себя более уверенно. Но Сергея Сергеевича не было, а стрелки часов неумолимо приближались к назначенному времени. Звоню из автомата Сергею Сергеевичу и слышу ошеломляющий ответ: «Извините, пожалуйста, очень занят, непредвиденные обстоятельства... Да отправляйтесь сами, ведь в курсе же Михаил Порфирьевич». И уже много позже выяснилось, что это был «педагогический прием», меня приучали к самостоятельности.

Ровно в два часа у массивной двери с табличкой «Заведующий Ленинградским отделением Института истории АН СССР» меня встретил высокий человек с сердитым, надменным лицом. «Ну-с, расскажите о себе. Сергей Сергеевич посвятил меня в общих чертах. Вы уж, пожалуйста, поконкретнее».

Выслушал, покряхтел, покашлял, повернулся к телефону, набрал номер. «Александр Игнатьевич, здравствуйте. Как Вы? Знаете ли, приехал вот коллега из Усть-Каменогорска. Да, да, из Казахстана. Дальний гость, знаете. Проблема Вам близкая, Александр Игнатьевич, что-то о крестьянском заселении Рудного Алтая в XVIII веке. Ну вот и ладненько. Всех благ, Александр Игнатьевич, выздоравливайте. Даю коллеге трубку». Протянул мне трубку и так, между прочим, сообщил: «Вот, поговорите с профессором Андреевым».

Час от часу не легче. Закрыв трубку рукой, я испуганным шепотом спросил: «Это тот Андреев, именем которого пик назван?». «Тот, тот», — ответил Михаил Порфирьевич. В 1956 г. именем А. И. Андреева был назван один из горных пиков на земле Королевы Мод (в Антарктиде).

Услышав нетерпеливое покашливание в трубке, я, наконец, изрек: «Здравствуйте, Александр Игнатьевич!». «Здравствуйте, — слышу в ответ глуховатый бас. — С кем честь имею?». Доложил я о себе и молчу. «Вы надолго в Ленинграде?». «Нет, — отвечаю, — через два дня уезжаю». Помолчал недолго, покашлял. «М-да. Тогда приходите сегодня вечером, скажем часикам к семи. Устраивает?». Не нашел я ничего лучшего, как на вопрос ответить вопросом: «А удобно?». Ответ был неожиданно для меня извиняющим: «Ну не совсем Вам удобно будет. Далековато я живу, в конце Московского проспекта. Но что поделаешь. Я нездоров и через два дня в институт не выйду».

Он заботился о моем удобстве!

Визит к Александру Игнатьевичу Андрееву, продолжительная беседа с ним, теплые и взыскательные вместе с тем его письма — особая зарубка в благодарной памяти о моих ленинградских учителях. Как я гордился и радовался, что обрел такого учителя. Но радость была непродолжительной. Летом того же 1959 года Александра Игнатьевича не стало.

И вновь встал вопрос: что делать? Вновь начинать переписку с администрацией Ленинградского отделения Института истории? Просить о прикреплении меня к новому научному руководителю? Да будут ли вообще еще раз со мной вести разговор? Ответ на эти вопросы дало письмо с ленинградским штампом. В письме в сухой, официальной форме извещалось о том, что в связи с кончиной профессора А. И. Андреева научным руководителем Н. В. Алексеенко назначен профессор М. П. Вяткин. Вот так. Пока я мучился над, казалось, неразрешимыми вопросами, обо мне думали, заботились. Уже одно это вселяло уверенность, придавало силы.

Так стал моим учителем Михаил Порфирьевич Вяткин. Он руководил кандидатской диссертацией, был консультантом докторской. Каждая встреча, каждая беседа с ним давали много. Круг научных интересов моего учителя был очень широк. Он — один из создателей «Истории Киргизии», автор трудов по истории крепостной мануфактуры, экономики Петербурга в крепостную эпоху. В 1962 году увидела свет его монография «Монополистический капитал в Средней Азии», в 1965 году опубликовано капитальное исследование «Горнозаводский Урал в 1900—1917 гг.»

А как много было им сделано по воспитанию кадров историков! В различных уголках страны успешно трудятся его ученики. Он не «натаскивал» своих учеников, не навязывал им своих мыслей и выводов, а определял основное направление работы. Стиль его научного руководства можно сравнить с трудом лощмана, хорошо знающего фарватер и уверенно указывающего путь. Он учил мыслить, а не воспринимать готовые формулы. Как это часто бывает свойственно добрым, душевным людям, он пытался скрыть свою доброту и душевность за внешней суровостью. Но как он радовался, когда ученик самостоятельно приходил к решению той или иной проблемы, большой или малой. Бывало, отдашь Михаилу Порфирьевичу часть работы и с тревогой ждешь суда. И он сурово и бескомпромиссно «судил»: «Вот здесь хорошо. Ладно. А здесь, знаете ли, непонятно». И думаешь,

ищешь новые факты и радуешься, когда слышишь: «Ну, теперь ничего. Вот видите».

Можно соглашаться или не соглашаться с теми или иными научными положениями ученого. Он и сам всегда выступал против канонизации. Он видел историческую науку устремленной вперед, добывающей новые факты, делающей новые выводы. Неоспорим тот факт, что ни один исследователь дореволюционной истории Казахстана не может обойтись без трудов М. П. Вяткина. А это и есть признание.

7 апреля 1967 г. в Ленинградском отделении Института истории на заседании сектора, возглавляемого С. Н. Валком, состоялось обсуждение рукописи моей докторской диссертации. Было сделано много принципиально важных замечаний. Но сделаны они были в чрезвычайно доброжелательной форме. Известные ученые не вещали с Олимпа, а по-товарищески рекомендовали обратить внимание на те или иные положения. Присутствовали на этом заседании Сергей Сергеевич Черников и алма-атинский профессор Петр Григорьевич Галузо. В общем диссертация моя была рекомендована к защите.

На улицу Петрозаводскую на Петроградской стороне, куда за год до этого переехало ЛОИИ, вышли вместе: Михаил Порфирьевич, Петр Григорьевич, Сергей Сергеевич и я. «Ну что же, ленинградские казахстанцы, — сказал Михаил Порфирьевич, — вечером жду вас к ужину». И шел разговор о становлении исторической науки в Казахстане, к которому они имели непосредственное отношение. Вспомнились имена первых советских историков. Мог ли я подумать, что вижу и слышу своего учителя в последний раз. А он, не больно-то разговорчивый, адресуясь ко мне, произнес целую речь, которую я в тот же вечер записал по свежей памяти.

— Ну вот что, молодой наш коллега. Вот мы с Петром Григорьевичем здесь старшее поколение. Сергей Сергеевич — среднее, Вы самый младший и по возрасту, и по опыту, и по званию. Впрочем, последнее не имеет значения, это к слову. Многих людей вспомнили мы сейчас добрым словом. Запомните и Вы их имена. Нет горше печали, когда забывают старшее поколение, учителей. Ученик должен превзойти своего учителя. Старая, вечная истина. Превзойти, но не забыть! Запомните, пожалуйста.

Что делать, время наше бурное, быстротечное. Давно ли я на студенческие сходки бегал. Петр Григорьевич молодым красавцем в гражданскую войну Советскую власть отстаивал. Сергей Сергеевич в первые экспедиции на Рудный Алтай отправлялся. А вот нам с Петром

Григорьевичем пора уже итог подводить. Да и Сергей Сергеевич к шестому десятку приближается. Что же сказать Вам напутственного в этот памятный день? Если мы Вам что-то сумели передать — это хорошо. Остальное Вы сами достигнете, если работать будете, а не стричь купоны. Вообще-то доктор наук — уважаемое, увесистое звание. Но заслужите уважение и признание работой, а не званием.

Самое главное. Никогда не отказывайте в помощи людям младше Вас по званию, по положению. На них ведь легко и пошуметь, и спесь свою показать, и ученость. Ответить-то они тем же не смогут. И еще: не спешите уезжать из своих краев. Я знаю вашу преданность Рудному Алтаю. Сохраните ее. Нет науки столичной и провинциальной. Наука едина, если это действительно наука. А если так себе, наукообразие, то никакими столичными подпорками и авторитетами не спасешься. — Хитро, важно заулыбался и изрек в заключение: — Содержание котелка от прописки не зависит. — И трижды постучал по лбу.

Ничего я не смог тогда сказать в ответ. Думал, делом буду доказывать дорогим мне людям, что не зря потратили они на меня тепло сердец своих.

И вот нет их никого: ни монументально важного по внешности Михаила Порфирьевича, ни бескомпромиссного Петра Григорьевича, ни старшего друга моего Сергея Сергеевича. А я помню каждое слово, тогда сказанное...

*Алексеев Николай Владимирович,
доктор исторических наук, профессор
(г. Усть-Каменогорск, Казахстан).*

М. П. Вяткин — мой научный руководитель

В 1963–1966 гг. я была аспиранткой Михаила Порфирьевича Вяткина при Ленинградском отделении Института истории СССР АН СССР. До этого закончила Московский государственный историко-архивный институт, где у профессора Николая Владимировича Устюгова с первого курса работала в научном кружке по истории народов СССР, а затем в научном семинаре «Народы Средней Азии и Приуралья в XIII–XVIII вв.». Н. В. Устюгов очень высоко ценил монографии М. П. Вяткина и опубликованные им документы по истории Казах-

стана. В Исторической библиотеке в Москве тома с материалами и документами, подготовленными М. П. Вяткиным, стояли на открытом доступе в читальном зале, хорошо были известны студентам, аспирантам и научным работникам, занимавшимся историей этого периода. Мои первые курсовые работы и доклады на научном кружке были сделаны на основании документальных сборников М. П. Вяткина. Начиная со второго и по пятый курс я проходила летнюю архивную практику, а четвертый курс полностью провела в Ленинграде, работая в Центральном государственном историческом архиве СССР и слушая лекции в Ленинградском университете, на историческом факультете.

В Ленинграде представлены были в ЦГИА СССР материалы по истории Казахстана XIX — начала XX в., поэтому моя дипломная работа была посвящена политическому строю Казахстана XIX в. В сентябре 1963 г. внезапно умирает от сердечного приступа Н. В. Устюгов, который согласился быть научным руководителем по моей кандидатской диссертации. Мой отец, профессор Е. Б. Бекмаханов, долгие годы вместе работавший и друживший с М. П. Вяткиным, порекомендовал мне написать Михаилу Порфирьевичу относительно темы кандидатской диссертации и его возможного научного руководства в аспирантуре. Михаил Порфирьевич в свое время написал брошюру «Емельян Пугачев», где впервые в советской историографии затронул тему участия народов не только Поволжья, но и Казахстана и Западной Сибири, Алтая в Крестьянской войне 1773—1775 гг. Я так и сделала. В ЛОИИ АН СССР хранились в архиве подготовленные к изданию, но не опубликованные тогда документы по истории национально-освободительного движения в Казахстане, в числе которых были источники о движении Срыма Датова — это 80—90-е годы XVIII в. и об участии казахов в восстании Е. И. Пугачева. Михаил Порфирьевич порекомендовал начать работу над кандидатской диссертацией, изучив эти архивные материалы, а затем приступить к поиску документов в Москве, в ЦГАДА, АВПр МИД СССР, Рукописном отделе Библиотеки им. В. И. Ленина. Позднее он посоветовал поработать в архивах Оренбурга, Омска, Барнаула. Рекомендации Михаила Порфирьевича оказались очень важными: в столице и областных городах были найдены и впервые введены в научный оборот уникальнейшие материалы о национально-освободительном движении в Казахстане второй половины XVIII в.

В ходе архивных и библиотечных поисков постоянно шла переписка с Михаилом Порфирьевичем, корректировался и уточнялся план